

«... Вести дела в согласии с законом»: к истории рыболовства в системе русско-японских отношений (1907–1914 гг.)

© 2010

Ю. Пестушко

В статье рассматривается комплекс вопросов, затрагивающих организацию и ведение рыболовного промысла российскими и японскими рыбопромысловиками в дальневосточных акваториях Российской империи после русско-японской войны 1905 г. На основе анализа российских и японских документов и других источников автор показывает роль японских рыбопромысловых объединений в гармонизации российских и японских интересов в указанной отрасли, рассматривает попытки налаживания русско-японского сотрудничества в сфере рыбного промысла, вскрывает причины его неудач, демонстрирует роль российских органов рыбопромыслового надзора в охране экономических интересов государства.

Ключевые слова: конвенционные воды, рыболовная конвенция, рыбная промышленность, навигационное свидетельство, надзор, Сибирская флотилия, морепродукты.

До настоящего времени некоторые вопросы вышеозначенной тематики затрагивались российскими и японскими исследователями лишь в контексте анализа двусторонних экономических отношений или рассмотрения региональной политики. Кроме того, российские и японские ученые нередко выявляли несколько ограниченный круг затрагиваемых проблем, а также диаметрально противоположные подходы в оценке рыболовства в истории отношений двух стран.

Например, японские историки Судзуки Акира, Каминага Эйсуку¹, Камимура Синъити, Койва Нобутаке¹ в своей оценке русско-японских связей в сфере рыболовства старались подчеркивать не только негативные, но и положительные стороны этих отношений, способствовавших развитию промысла в русских дальневосточных водах с учетом интересов обеих стран. Японскими исследователями также указывалось, что заключение Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. («Нитиро гёгё кёяку») явилось первым звеном в деле послевоенной нормализации отношений между двумя странами. Каминага Эйсуку в своих работах, в частности, подвергает критике традиционную точку зрения о существовании противостояния японцев и русских в сфере рыболовства.

В то же время российские исследователи до недавнего времени отмечали лишь те моменты, которые говорили о сохранении противостояния двух стран в сфере рыболовства, демонстрировали слабость России, которая была вынуждена идти на уступки Японии как страна, потерпевшая поражение в войне. Акцент делался на то, что Россия после окончания русско-японской войны была вынуждена строить свои отношения с Японией с позиций побежденной стороны. Деятельность Японской империи в области

Пестушко Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного гуманитарного университета. E-mail: yuripestushko@yandex.ru.

тихоокеанского рыболовства расценивалась, за исключением работ последних лет², как экспансия, стремление к постепенному изгнанию России не только с дальневосточных промыслов, но и вообще с тихоокеанского побережья. В качестве одного из наиболее веских аргументов в данном случае нередко указывалось на деятельность японских рыбопромышленных объединений, созданных в период 1908–1914 гг., а также на якобы попустительское отношение российского правительства к дальневосточному рыболовству в исследуемый период. С таких позиций указанную проблематику рассматривали В.А. Маринов, Л.Н. Кутаков, А.Т. Мандрик³.

Указанная точка зрения представляется достаточно односторонней и не до конца объективной. В настоящей работе автор ставит своей задачей на основе анализа российских и японских документов и других источников, а также материалов российской прессы и трудов российских и зарубежных авторов комплексно проанализировать роль японских рыбопромышленных объединений в дальневосточном рыболовстве в послевоенный период. В статье рассматриваются причины создания объединений рыбопромышленников и цели их деятельности, анализируются попытки японских предпринимателей наладить совместную с подданными России добычу рыбы и морепродуктов. Кроме того, в представленной работе показаны мероприятия российских властей по организации дальневосточного промыслового надзора и некоторые итоги его последующей деятельности.

Рыболовство на русском Дальнем Востоке в последней трети XIX — начале XX вв.

В 70-е годы XIX столетия немногочисленные группы японских рыбаков, которые вели лов рыбы на Сахалине еще с конца XVIII в., начали расширять свою деятельность в устье Амура и на юге Сахалина, строя солеварни, склады, жилые дома. За период с 1870 по 1875 гг. японские рыбаки расширили границы промыслов от Южного Сахалина до берегов Татарского пролива и побережья Камчатки. Ряд льгот японским рыбопромышленникам предоставил русско-японский договор 1875 г., в соответствии с которым подданные Японии получили право в течение 10 лет заходить беспоплавно в сахалинский порт Корсаков, где учреждалось консульство Японии⁴. Кроме того, по «договору, заключенному на равноправных началах»⁵, Россия предоставила японским купцам и рыболовным судам права и преимущества в торговле и судоходстве в Охотском море и на Камчатке, аналогичные тем, которыми пользовались подданные других государств. После подписания соглашения японцы, занимавшиеся добычей рыбы, появились и на Нижнем Амуре, где они обустроили рыбные склады и места для обработки морепродуктов⁶.

Последняя треть XIX столетия явилась временем становления и российской дальневосточной рыбопромышленности. Основными районами рыболовства на Дальнем Востоке были низовья Амура, от Хабаровска до Николаевска, Камчатка и Сахалин. В 1891 г. на Камчатке появилось «Русское товарищество котиковых промыслов», которое занималось эксплуатацией пушных ресурсов Командорских островов, а также добычей камчатского лосося. В 1901 г. было налажено производство лососевых консервов на заводе «Камчатского торгово-промышленного общества». К началу русско-японской войны добыча рыбы в промышленных масштабах производилась крупными предприятиями Г.Ф. Демби, Г.Г. Кейзерлинга, Я.Л. Семенова. Кроме того, российские рыбопромышленники активно осваивали ресурсы Сахалина и побережья Охотского моря.

До подписания русско-японской рыболовной конвенции у правительства России отсутствовала четкая и последовательная политика в отношении добычи дальневосточных морских ресурсов подданными других государств и, в первую очередь, Японией. Например, с 1880 по 1898 гг. правила морского рыболовства на Дальнем Востоке выдержали пять редакций. Правила 1880 г. предоставили японским подданным право ведения промысла при условии уплаты последними пошлины в размере 50 коп. золотом с пуда

рыбы. Правила 1885 г. запретили японским рыбопромышленникам лов в заливах Ныйском и Терпения на Сахалине, однако Правила 1890 г. разрешили вести добычу рыбы на восточном побережье острова. В 1899–1901 гг. российским правительством были выработаны новые правила промысла, в соответствии с которыми лов рыбы в территориальных водах России был разрешен только русским подданным⁷.

Ситуация в дальневосточной рыбодобыче изменилась в пользу Японии после завершения русско-японской войны. В результате подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. подданные Японии получили возможность заниматься добычей и обработкой рыбы и других морепродуктов по всему побережью русского Дальнего Востока, за исключением ряда бухт и рек.

Создание объединений японских рыбопромышленников и цели их деятельности

Еще в 1902 г. правительством Японии был принят Закон о промысловых объединениях в территориальных водах иностранных государств» («Гайкоку рёкай суйсан кумий хо»)⁸. Согласно этому закону, все японцы, занимавшиеся добычей рыбы и морепродуктов в иностранных территориальных водах, объединялись в рыбопромышленные союзы. Несмотря на появление указанного закона, в предвоенный период промысловых союзов создано не было. Можно утверждать, что причиной тому явилась начавшаяся вскоре русско-японская война, а также отсутствие между Японией и Россией соглашения по вопросам рыболовства, которое бы четко регламентировало вопросы добычи рыбы и морепродуктов подданными Японии. Начавшийся еще до русско-японской войны процесс объединения существовавших ранее малых и крупных рыбодобывающих предприятий в промысловые союзы и рыбообрабатывающие объединения продолжился после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г.

Японские исследователи долгое время утверждали, что создание объединений было обусловлено стремлением избежать трений с российскими административными органами, но недавние работы Каминага Эйсуке ставят под вопрос данную точку зрения. Следует предположить следующие несколько причин создания объединений японских рыбопромышленников: защита трудовых интересов подданных Японии, занятых в рыболовной сфере, установление единых цен на рыбу-сырец, орудия промысла, установление стоимости рыболовной продукции на рынке с учетом собственных интересов. Сюда же следует отнести и заинтересованность японских промышленников в расширении сфер приложения капиталов посредством учреждения предприятий по обработке рыбы и морепродуктов, выпуску консервированной продукции. Со временем все японцы, занимавшиеся рыболовным промыслом в дальневосточных конвенционных водах⁹, оказались вовлечены в рыбопромышленные объединения.

Первым в 1908 г. в Хакодате — центре японской рыбной промышленности, ориентированной на рыбодобычу в русских водах, было создано общество «Рорё суйсан кумий» («Союз рыбодобычи в русских владениях»)¹⁰. В 1909 г. объединение «Рорё суйсан кумий» насчитывало 3714 рыбаков, а в 1915 г. их число выросло в четыре раза, составив уже 15 717 чел. К началу 1916 г. компания ежегодно добывала рыбы на 7–8 млн иен и владела имуществом на сумму в 8 млн иен¹¹.

Тремя годами позднее, в конце 1911 г. в Японии было учреждено общество «Юсюцу сёкухин кабусики кайся» («Акционерное общество экспорта пищевых продуктов»), выступившее с инициативой открытия японских консервных заводов на камчатском полуострове. Сторонниками проекта по организации консервного производства в этих отдаленных районах русского Дальнего Востока выступили член верхней палаты парламента Японии Мурата Тамоцу, являвшийся директором компании «Тэйкоку суйсан

кайся» («Императорское общество морских продуктов») и бывший директор Бюро морских продуктов и Института рыболовства и рыбоводства Мацувара Синносукэ.

Помимо желания расширить сферы применения японского рыбопромышленного капитала, создание рыбообрабатывающих предприятий на Камчатке преследовало целью оказание помощи японским рыбакам, пострадавшим от понижения цен на рыбу на японских рынках в 1910–1911 гг., когда интенсивная добыча рыбы и морепродуктов, а также скупка японцами рыбы на нижнем Амуре за послевоенный период привели к тому, что морепродукты в Японии значительно упали в цене. Появление заводов по производству консервов должно было в первую очередь разрешить вопрос с использованием рыбных излишков. За несколько послевоенных лет японскими компаниями «Цуцуми сёкай»¹², «Юсюцу сёкухин кабусики кайся», «Итии гуми», «Сухара»¹³ на Дальнем Востоке было налажено производство консервированных морепродуктов.

Процесс укрупнения японских рыбопромышленных предприятий ускорился накануне Первой мировой войны, и в Японии возникли и другие крупные организации, объединявшие японских рыбаков. В 1913 г. появилось объединение японских рыбаков «Рорё гёгёкэн ходзэн домэйкай» («Союз охраны прав рыбодобычи в русских владениях»). В 1914 г. в Осака японским предпринимателем Тамура было организовано рыбопромышленное общество «Нитиро гёгё кабусики кайся» («Японо-российская рыбопромышленная акционерная компания»).

Вышеназванные рыбопромышленные объединения формально заявляли о готовности вести промысел «в интересах русского и японского народов», в рамках Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. и способствовать развитию экономического сотрудничества между двумя странами. Например, о содействии развитию дружеских отношений между Японией и Россией, ведении промысла в соответствии с государственными интересами обеих стран, а также необходимости грамотной организации добычи рыбы и морепродуктов в российских конвенционных водах говорилось в уставе «Рорё суйсан кумий»¹⁴. Там указывалось, что целью союза является охрана рыболовных прав подданных Японии в русских владениях и развитие рыбопромышленности¹⁵. Компания «Нитиро гёгё кабусики кайся» также заявляла о необходимости развития совместного с русскими рыбаками промысла с перспективой налаживания экспорта морепродуктов за границу¹⁶.

С формальной точки зрения, вышеназванные цели японских рыбопромышленных объединений, декларировавшиеся в их уставах, указывали на неплохие перспективы в деле развития иностранного промысла в дальневосточных конвенционных водах, а также на возможности по созданию совместных российско-японских промысловых предприятий. Однако, как будет показано ниже, в действительности настоящие задачи объединений далеко не всегда соответствовали положениям, заявленным в уставе.

Политика русского правительства по отношению к деятельности японских рыбопромышленных объединений

В течение рассматриваемого периода русские административные органы были поставлены перед необходимостью вырабатывать курс в отношении действий японских рыбопромышленных объединений, направленных на расширение своей деятельности.

Например, судя по опубликованной в русских дальневосточных газетах докладной записке организации «Рорё суйсан кумий» японскому правительству, она была намерена не просто отстаивать интересы своих соотечественников, но и содействовать получению ими дополнительных привилегий. Предполагалось добиваться от русских центральных властей и дальневосточной администрации отмены практики закрытия рыболовных участков, снятых с торгов, запрета на передачу рыболовного участка от одного арендатора к другому, а также предоставления разрешения на сообщение между рыболовными участками¹⁷.

«Порё гёгёкэн ходзэн домэйкай» также выступал за увеличение числа арендуемых японцами промысловых участков, получение разрешения устанавливать дополнительные неводы, предоставление права передавать рыболовные участки от одного арендатора другому¹⁸. Подобной тактики придерживалась и «Нитиро гёгё кабусики кайся». Так, в феврале 1914 г. указанное общество направило докладную записку японским властям, в которой были изложены пожелания японских рыбопромышленников, арендовавших рыболовные участки. Основное содержание данного документа сводилось к следующему: ограничение права России закрывать рыболовные участки, сданные с торгов, уничтожение существовавших ограничений права передачи рыболовных участков от одного арендатора к другому, разрешение сообщения на шлюпках за пределами рыболовных участков¹⁹.

Отношение русских дипломатических представителей и органов власти к действиям японских рыбопромышленников выражает донесение российского консульства в г. Хакодате послу России в Токио Н.А. Малевскому-Малевичу и Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти. Отмечалось, что «Нитиро гёгё кабусики кайся» представляет потенциальную угрозу российским рыбопромышленникам, так как при проведении торгов данное рыбопромышленное объединение сможет заполучить наиболее рентабельные участки. В донесении также указывалось, что общество ставит своей целью прекращение взаимной конкуренции между японцами и русскими при покупке рыбы в Николаевском районе²⁰.

Неудивительно, что российское правительство неоднозначно восприняло идею о создании на Камчатке японских заводов по производству консервированной рыбопродукции. В исследуемое время Камчатка являлась наименее контролируемым российскими властями районом русского Дальнего Востока, куда совершало нерегулярные рейсы всего четыре парохода Добровольного флота²¹. С одной стороны, появление японских консервных заводов должно было оказать положительное влияние на экономическое развитие Камчатки. Вместе с тем, существовала опасность вытеснения с камчатских промыслов российских рыбаков. Все это вынуждало дальневосточные власти и российские дипломатические представительства в Японии взвешивать все возможные плюсы и минусы планировавшихся нововведений.

Подобная оценка перспектив развития японского консервного производства на Камчатке была представлена российским вице-консулом в Хакодате В.В. Траутшольдом. С одной стороны, В.В. Траутшольд отметил стремление японских подданных к развитию здоровой конкуренции на рынке морепродуктов: «...до сих пор японские рыболовы в погоне лишь за количеством вылавливаемых ими рыб, не заботились о качестве своих продуктов, доставляя на рынок всю ту же малоценную рыбу в примитивном японском засоле»²². То есть, по его мнению, учреждение на Камчатке японских заводов по производству консервированной рыбопродукции свидетельствовало о стремлении японских рыбаков добиться качественных изменений в деле добычи рыбы посредством перехода к более интенсивной и усовершенствованной эксплуатации рыболовных концессий. К тому же, продукция японского производства не могла составить серьезной конкуренции продукции «Камчатского консервного товарищества», к тому времени уже наладившего поставки консервированных морепродуктов на рынки Великобритании.

Вместе с тем, российский дипломатический представитель постарался проанализировать и возможные нежелательные последствия развития японцами консервного производства, а также предложить конкретные меры на случай нанесения ущерба экономическим интересам России в Охотско-Камчатском районе со стороны Японии. В случае возникновения угрозы экономической экспансии японского капитала на Камчатке российский дипломатический представитель предлагал повысить оценки участков, на которых предполагалось устройство консервных заводов, «причем настолько значительное, чтобы можно было ожидать, что они окажутся не сданными с торгов». Следующим шагом после создания для японцев неприемлемых условий для производства морепродук-

тов, должно было стать привлечение на эти участки дальневосточных предпринимателей и предоставление последним государственных субсидий, чтобы «отбить пригодные для консервного дела участки у японцев»²³.

Мнение В.В. Траутшольда о потенциальной угрозе со стороны японских предприятий отчасти можно объяснить незаконной деятельностью японских рыбопромышленников, с которой ему приходилось нередко сталкиваться — изготовление фальшивых навигационных свидетельств, завоз под видом промыслового снаряжения промышленных и продовольственных товаров на территорию русского Дальнего Востока, лов рыбы в устьях рек и заливах. Вышеназванные случаи вынуждали относиться к проектам японской стороны по развитию консервного производства очень осторожно, так как они могли привести к росту разного рода нарушений. Вместе с тем, позицию В.В. Траутшольда следует рассматривать не как призыв к борьбе с японским экономическим присутствием на Камчатском полуострове, а скорее как общие рекомендации по проведению аналогичных мероприятий, в случае действительного возникновения угрозы экономическим интересам России в этом районе.

Таким образом, в исследуемый период отношение российского правительства к деятельности японских рыбопромышленных объединений на разных уровнях было двойственным. Ходатайства названных компаний о расширении прав, предоставленных подданным Японии по условиям Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., указывали на стремление к занятию лидирующего положения в дальневосточной рыболовной отрасли и требовали от российских властей проведения ответных мер по укреплению дальневосточного рыболовства. Вместе с тем, дальневосточная администрация признавала и то немаловажное обстоятельство, что организованный и подконтрольный японским властям рыболовный промысел в российских конвенционных водах позволит противодействовать хищнической и никем не контролируемой добыче морепродуктов отдельными японскими рыбаками. Так, в отношении «Рорё суйсан кумиай» местными властями высказывалось мнение, что, благодаря этому объединению до японских рыбаков быстро доводятся все требования и распоряжения Приамурского Управления государственных имуществ, а деятельность японцев находится под контролем не только российских властей, но и японской администрации²⁴. Схожей точки зрения придерживалось и центральное российское правительство. Например, во время посещения российской столицы представителями «Рорё Суйсан Кумиай» в начале 1912 г. МИД России высоко оценил деятельность хакодатского отделения этого объединения в отношении ведения промысла в конвенционных водах и пресечения незаконной деятельности японских рыбаков²⁵.

В послевоенные годы японцы стремились не только к упрочению своего положения на рыболовных промыслах на Дальнем Востоке, но и прилагали усилия к развитию здоровой конкуренции с подданными России, а также организации добычи морепродуктов в дальневосточных морях в соответствии с российскими законами. Немаловажно, что последнее обстоятельство расценивалось правительством России как твердое намерение Японии к развитию законного и честного промысла в российских дальневосточных владениях.

Попытки развития русско-японского сотрудничества в рыболовной отрасли и причины их неудач

Намерения подданных Японии налаживать отношения с российскими рыбаками и способствовать организации совместных предприятий, провозглашавшиеся в уставах рыбопромышленных объединений, не носили чисто декларативный характер. Например, накануне своего открытия руководство компании «Нитиро гёгё кабуки кайся» обратилось к российским промышленникам с призывом вступать в данную организацию на правах акционеров. По мнению японской стороны, совместное ведение промысла под-

данными России и Японии было бы чрезвычайно полезным обоим странам с точки зрения взаимного обогащения опытом, а также совместного использования капиталов в форме создания акционерного общества: «...и у русских, и японцев замечается одинаковое неумение ведения этого выгодного для обоих народов предприятия. В некоторых отношениях русские превосходят японцев, в других — японцы русских, и, в конце концов, у обоих получается потеря труда и капитала. Во избежание этого и во имя экономических интересов России и Японии мы предлагаем учредить акционерное общество»²⁶.

Однако никто из дальневосточных рыбопромышленников так и не выказал желания стать акционером названной компании либо приложить усилия к организации совместного с подданными Японии промысла. Как отмечал упоминавшийся выше российский вице-консул в Хакодате В.В. Траутшольд, «хотя акционерное общество («Нитиро гёгё кабусики кайся». — *Ю.П.*) называется японо-русским, никто из российских предпринимателей в нем не зарегистрирован, а все акции находятся в руках японских учредителей».²⁷ Довольно сложно назвать причины нежелания русских предпринимателей участвовать в совместных с японцами предприятиях. Можно предположить, что подданные России просто не хотели рисковать своими капиталами, опасаясь, что занимаясь промыслом рыбы наравне с японцами все равно не получится, либо русские рыбаки будет лишь подставными лицами, арендующим морские промыслы, а затем передающими их японцам. С другой стороны, подобное равнодушие к предложениям японских рыбопромышленников способствовало дальнейшему разделению дальневосточного рыболовства на «японское» и «русское», когда подданные Японии отстаивали свои интересы, а подданные России — свои. К сожалению, «совместная» деятельность российских и японских промышленников в итоге свелась к не вполне законному получению в аренду морских промысловых участков.

Например, оговаривая накануне рыболовных торгов цену на участок, японские рыбаки на проводившемся аукционе устанавливали для себя наиболее приемлемую стоимость. Делалось это следующим образом: для соблюдения видимости торгов, на каждый участок подавало заявку несколько японцев, которые прекращали участвовать в аукционе сразу после того, как только ранее намеченный арендатор давал заблаговременно установленную цену. Чтобы немногочисленные русские арендаторы не поднимали цену на участки, японские рыболовы заранее узнавали у русских, какие именно участки им нужны. Если русские давали согласие не торговаться на участки, необходимые подданным Японии, последние не участвовали в аукционе, где «заторговывались» участки для русских. Такая комбинация удовлетворяла и русских, и японских арендаторов²⁸.

Существовала процедура искусственного занижения стоимости рыболовного участка. Например, японский рыбопромышленник, желавший получить в аренду хороший участок, который до этого находился в пользовании у русского арендатора, подкупал промыслового инспектора. Последний показывал, что данный промысел беден рыбой, и его арендная стоимость ниже заявленной²⁹. В итоге, арендная плата, для японцев, в большинстве случаев оказывалась значительной ниже арендной платы, которую приходилось платить русским арендаторам. Например, японский рыбоводытчик платил за аренду одного трехсезонного участка в среднем 2872 руб., в то время как русский — 3095 руб. Пятисезонный участок обходился японскому рыбоводытчику в 4317 руб., а русскому — в 5189 руб.³⁰ Кроме того, японцы опережали русских по числу арендованных промыслов (См. табл. 1).

Нежелание подданных России приложить усилия к организации совместных предприятий по добыче рыбы и морепродуктов явилось одной из главных причин упрощения японского рыбопромышленного капитала в российских конвенционных водах. Благодаря совместным действиям, а также поддержке японского правительства японские рыбаки получили ряд льгот, смогли брать в аренду наиболее рентабельные рыболовные

участки, число которых ежегодно возрастало, и значительно снизили конкуренцию с русскими добытчиками.

Таблица 1.

Данные по рыболовным участкам России и Японии³¹

Год	Япония	Россия
1908	87	?
1909	183	?
1910	157	34
1911	221	41
1912	213	29
1913	216	50
1914	226	37

Создание промыслового надзора на Дальнем Востоке

В 1908 г., через год после предоставления подданным Японии права заниматься добычей рыбы в российских территориальных водах дальневосточная администрация и центральные власти приступили к выработке мер по организации эффективной охраны морских промыслов. Несмотря на усилия руководства японских рыбопромышленных объединений, далеко не все японские рыбопромысловики соблюдали положения конвенции и Правила рыболовства на Дальнем Востоке и были настроены на честный промысел. Случалось так, что японцы в конце сезона просто отбирали у жителей отдаленных районов заготовленную ими на зиму рыбу³², а вместо промысла занимались неэквивалентной торговлей с аборигенами. Наиболее часто такие эпизоды имели место на Камчатке. Отсутствие надзора за действиями в российских водах японских рыбопромысловиков вело к усилению двух негативных тенденций: хищническому лову рыбы и морепродуктов и расширению экономической деятельности японских предпринимателей, не оговоренной в двусторонних соглашениях. Поэтому, как отмечал в одном из своих донесений посол России в Японии Н.А. Малевский-Малевич, «успешно противодействовать укреплению экономического преобладания японцев мы могли бы не запретительными мерами, а лишь усилением нашего берегового надзора»³³.

До русско-японской войны инспектированием юго-западных рыболовных промыслов Дальнего Востока, побережья Охотского моря и Татарского пролива занимались лесничество, подчинявшиеся Приамурскому Управлению государственных имуществ. На Камчатке задача охраны конвенционных вод была возложена на местную администрацию. В то время деятельность надзора не носила постоянного характера, что позволяло японским рыбакам продолжать заниматься хищническим промыслом морепродуктов.

В 1907 г. с целью организации эффективной охраны дальневосточных конвенционных вод Управление землеустройства и земледелия выступило перед Государственной Думой с инициативой разработки закона об охране промысловых богатств на Дальнем Востоке. Поскольку данное представление не было подкреплено серьезными данными по состоянию русской дальневосточной рыбопромышленности, Комиссия Государственной Думы по рыболовству отнеслась довольно скептически к инициативе Управления, заметив, что эта организация не имеет никакого опыта в совершенно новом для нее деле по созданию промысловой охраны на Дальнем Востоке. В заявлении Комиссии говорилось, что одно лишь письменное ходатайство относительно организации промыслового надзора не позволяет судить о действительной потребности в количестве и распределении «промысловых стражников», а также о числе и границах рыболовных участков, которые предстояло инспектировать надзору. Исходя из этих соображений, Комиссия признала возможным ус-

тановить проектируемый Государственным Управлением землеустройства и земледелия закон лишь на два года. За это время Управление должно было разработать организацию промыслового надзора так, чтобы это «поставило бы служащих в надлежащие условия существования и плодотворной деятельности при возможно меньших затратах государственных средств». Предполагалось, что за два года, Управление землеустройства и земледелия соберет опытные данные по рыболовному промыслу на Дальнем Востоке, на основе которых затем будет разработан и принят соответствующий законопроект³⁴.

Таким образом, уже вскоре после заключения Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. российское правительство приступило к проведению мероприятий по созданию дальневосточного промыслового надзора, руководствуясь необходимостью охраны дальневосточных конвенционных вод и оказанием противодействия укреплению иностранного капитала в экономике русского Дальнего Востока.

Деятельность промыслового надзора в 1908–1911 гг.

Промысловый надзор начал функционировать в дальневосточных конвенционных водах в 1908 г. Тогда же Приамурское Управление государственными имуществами заверило японскую сторону, что рыбопромышленникам Японии не стоит опасаться предвзятого отношения к себе со стороны инспекции: «Управление руководствуется в своих действиях по отношению к японцам духом беспристрастия и широкой терпимости, и в том же духе даются наставления промысловому надзору»³⁵.

В своей работе, посвященной исследованию российско-японских отношений в 1905–1914 гг. В.А. Маринов утверждает, что «весь русский рыболовный надзор на Дальнем Востоке состоял из двух старых крейсеров — «Командор Беринг» и «Лейтенант Дымов», а также шхуны «Сторож»³⁶. Хотя автор указывает, что с 1910 г. для инспектирования районов Камчатки стали привлекаться транспорт «Колыма» и канонерская лодка «Манджур», складывается впечатление, что организация промыслового надзора на русском Дальнем Востоке была изначально обречена на неудачу, поскольку держать под контролем все тихоокеанское побережье русского Дальнего Востока силами всего трех кораблей не представлялось возможным.

В действительности, для охраны дальневосточных рыболовных промыслов было задействовано большее число судов: два крейсера — «Командор Беринг» и «Лейтенант Дымов», шхуна «Сторож», два паровых катера — «Дельфин» и «Нерпа», яхта «Фридольф Гек», оснащенная керосиновым двигателем, два легких катера, четыре моторных лодки и парусная яхта «Касатка». Кроме того, в инспекцию входило пять смотрителей за рыболовными участками и 76 «промысловых стражников». «Командору Берингу» предстояло инспектировать рыболовные промыслы в Западно-камчатском и Охотском районах. На «Лейтенанта Дымова» и шхуну «Сторож» возлагался контроль над Восточно-камчатским, Сахалинским и Юго-западным рыбопромышленными районами. Акваторию Николаевского района обслуживали паровые катера «Дельфин» и «Нерпа», а также парусная яхта «Касатка»³⁷.

Усилиями промыслового надзора за 1908 г. было выявлено 58 случаев нарушений подданными Японией правил рыболовной конвенции и взыскано 6,9 тыс. руб. штрафов³⁸. Наиболее часто японские суда арестовывались за отсутствие консульского разрешения на промысел. Например, за июнь — июль 1908 г. промысловым надзором за данное нарушение было задержано 12 японских шхун³⁹. Л. Н. Кутаков указывает, что царское правительство, не желая обострять отношений с Японией, дало указание командирам охранных судов «быть снисходительными и избегать резких столкновений с японцами», (поэтому. — Ю.П.) «установилось бесконтрольное хищничество японцев в русских водах и на побережье»⁴⁰. В действительности, дальневосточный промысловый надзор в своей деятельности руководствовался в первую очередь соблюдением интересов

России на русском Дальнем Востоке и особенно не церемонился и с нарушителями. Сохранилось немало примеров, когда промысловый надзор применял против нарушителей-японцев силу, или дело о нарушении доводилось до суда⁴¹. Таким образом, промысловый надзор довольно успешно справлялся с поставленными задачами, хотя и не мог полностью устранить нарушения.

Посильную помощь в охране дальневосточных вод оказывали корабли Сибирской флотилии, которые наведывались в отдаленные и наименее контролируемые северо-восточные промысловые районы. Необходимость инспектирования промысловых вод к востоку от Камчатки была очевидна: японские браконьеры, занимавшиеся промыслом каланов, тюленей и морских котиков, часто заходили для незаконного лова в тридцатимильную береговую зону Командорских островов, где добыча морских животных была запрещена. Например, 29 мая 1908 г. одно из браконьерских судов — японская шхуна «Миз-мару» была задержана военным транспортом «Шилка» в 7,5 милях от о. Беринга⁴².

Управление государственными имуществами находило действия надзора вполне обоснованными и отмечало, что наложение на японских рыбаков штрафов и конфискации судов вызвано нарушениями ими рыболовной конвенции. Важно отметить, что той же точки зрения придерживалась и японская сторона. Например, консульство Японии во Владивостоке официально заявило Управляющему государственными имуществами В.К. Бражникову о полной правомерности действий промыслового надзора и одобрило деятельность вверенного ему Управления⁴³.

Несмотря на определенные успехи рыболовной инспекции возможности промыслового надзора оставались скромными. К тому же, надзор не контролировал полностью северо-восточные районы русского Дальнего Востока, куда также наведывались иностранные браконьеры. Мнения относительно того, кому может быть поручена охрана промыслов северо-восточных районов, расходились. Например, П.Ф. Унтербергер полагал, что морское министерство вполне может выделить несколько своих судов для промыслового надзора. Случай с задержанием в 1908 г. возле Командорских островов шхуны «Миз-Мару» указывал на то, что корабли Сибирской флотилии могут оказывать весьма действенную помощь в деле охраны морских богатств русского Дальнего Востока.

Иной точки зрения придерживался морской министр С.А. Воеводский. По его мнению, охрана промыслов не могла быть возложена на военные суда, «имеющие иные и вполне определенные цели», а использование в этом качестве судов военного флота противоречило выполнению плана по развертыванию на Дальнем Востоке морских сил. Поэтому наиболее подходящим вариантом решения вопроса с охраной явилось бы поручение наблюдения за северо-восточными районами российских территориальных вод судам пограничной стражи, таможенной флотилии и судам Главного управления землеустройства и земледелия, как это заведено в Балтийском и Черном морях⁴⁴.

Хотя морское ведомство не выказало желания оказать помощь в деле охраны конвенционных вод, Приамурское генерал-губернаторство все же попыталось добиться от него выделения из состава Сибирской флотилии военного судна для несения охранной службы в прибрежных районах Чукотского полуострова. В ответ на этот запрос Управление морскими силами Тихого океана заявило, что «морское ведомство будет не в состоянии привести в исполнение эту меру, в виду ограниченности состава Сибирской флотилии». Не добившись положительного ответа, П.Ф. Унтербергер обратился за содействием к П.А. Столыпину. После этого председатель совета министров направил морскому министру С. А. Воеводскому запрос, «не окажется ли возможным отрядить в этом году в Берингово море военное судно»⁴⁵.

На этот раз был получен положительный ответ, и морское министерство выделило на 1909 г. для охраны рыболовных промыслов транспорт «Шилка» и канонерскую лодку «Манджур», неплохо зарекомендовавшую себя в деле охраны рыболовных промыслов в предвоенные годы⁴⁶. В то же время морским ведомством было поставлено обяза-

тельное условие, что «оба вышеназванных судна по окончании охранного плавания будут возвращены осенью во Владивосток»⁴⁷.

В течение 1909 и 1910 гг. на усиление дальневосточного промыслового надзора из средств российского казначейства было выделено по 75 740 руб.⁴⁸ С 1911 г. Санкт-Петербург начал предоставлять дополнительные средства на усиление российских дальневосточных рыбинспекций и таможен: в 1911 г. с этой целью дальневосточным властям было отпущено 45 727 руб., а в 1912–1913 гг. — 71 222 руб.⁴⁹ Выделяемые средства были весьма скромными. Подобный вывод напрашивается из сравнения вышеприведенных цифр с данными, представленными в 1908 г. Приамурским управлением государственных имуществ Главному управлению землеустройства и земледелия. Так, по мнению Приамурского Управления Государственных имуществ, для доведения промыслового надзора «до отвечающего требованиям жизни» уровня, ежегодно требовалось 298 240 руб. Эта сумма включала в себя увеличение штата личного состава рыболовного надзора, обеспечение его условиями проживания, а также приобретение и содержание необходимых для надзора судов⁵⁰. Таким образом, на усиление промыслового надзора ежегодно отпускалась примерно четверть необходимой суммы (См. диаграмму 1).

Диаграмма 1.

Тем не менее, несмотря на имевшиеся трудности, российскому правительству в целом удалось наладить охрану морских ресурсов Дальнего Востока. Основной проблемой, затруднявшей деятельность промыслового надзора в исследуемый период, являлся недостаток судов. Вместе с тем, благодаря военным кораблям Сибирской флотилии дальневосточной администрации удавалось держать под контролем, как основные районы конвенционного рыболовства, так и отдаленные морские промыслы. Центральные власти не только оказывали посильную помощь, выделяя военные суда в охранных целях, но и отпускали средства на поддержание и развитие дальневосточного рыболовного надзора.

Мероприятия руководства объединений японских рыбопромышленников и российского правительства по упорядочению добычи морских ресурсов русского Дальнего Востока

Со временем к охране морских ресурсов подключились и японские рыбопромышленные объединения. Первое время, несмотря на принимавшиеся российской и японской администрациями меры, на рыболовных промыслах закон все равно нарушался и японцами, и подданными России. Например, через подставных русских лиц, арендовавших рыболовные участки, японцы осуществляли рыболовный промысел в реках и бухтах, что по условиям Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. было запрещено, а также скупали рыбу на морских промыслах. Такого рода незаконная деятельность частных лиц пресекалась не только дальневосточной администрацией, но и руково-

дством «Рорё суйсан кумиай». Эта компания смогла поставить под контроль деятельность своих соотечественников и даже ввела обязательную практику «дополнительных взысканий», когда нарушители рыболовной конвенции выплачивали фактически двойной штраф — дальневосточным властям и японскому промышленному объединению⁵¹.

Например, японский арендатор Хори Кэйтаро за один лишь рыболовный сезон 1910 г. был оштрафован русскими властями на рекордную сумму в 4800 руб., а за весь рыболовный сезон 1907 г. общая сумма штрафов, взысканных с иностранцев за различные нарушения — продажа спирта населению, самовольный промысел, стоянка в неуказанном месте — составила «всего» 3250 руб. Вдобавок к штрафам, который японский рыбак заплатил русским властям, руководство «Рорё суйсан кумиай» приказало ему выплатить 2500 иен, причем до внесения этой суммы Хори Кэйтаро было запрещено заниматься рыболовным промыслом в дальневосточных конвенционных водах⁵².

Несоблюдение японскими подданными условий Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. становилось предметом обсуждений на собраниях членов «Рорё Суйсан Кумиай», что свидетельствовало о стремлении руководителей японских рыбопромышленных объединений упорядочить добычу морепродуктов в дальневосточных конвенционных водах. Выступая на одном из таких собраний, заместитель главы «Рорё Суйсан Кумиай» Накасэ Сутэтаро заявил следующее: «Весь промысел ведется нами на русской территории и под русским законом на основании рыболовной конвенции. Я не сомневаюсь, что все присутствующие стараются вести свои дела в строгом согласии с постановлениями русских законов и упомянутой конвенции... Становится желательным, чтобы впредь с нашей стороны были приложены особые старания к тому, чтобы соблюдать законы в точности, не дискредитировать в глазах русской власти своей репутации как честных деятелей, а наоборот стремиться к тому, чтобы заслужить все больше ее доверия»⁵³.

Среди японских рыбодобытчиков было немало тех, кто был недоволен контролем со стороны промышленных союзов, мешавших в одиночку «заторговывать» нужные рыболовные участки и заниматься промыслом, невзирая ни на какие законы и ограничения. Нередко такого рода деятельности способствовали недоговоренности японских законов о рыболовстве. Например, в положении, запрещавшем заниматься самостоятельно рыболовным промыслом в территориальных водах иностранных государств, ничего не говорилось о воспрещении участвовать в аукционах. В 1912 г. группа японских предпринимателей из Отару решила воспользоваться этим и попыталась участвовать в торгах, проходивших во Владивостоке, самостоятельно. Предполагалось, что, взяв в аренду нужные промысловые участки, эти подданные Японии запишутся в «Рорё Суйсан Кумиай». Однако, по настоянию этого рыбопромышленного объединения, в дело вмешалось японское консульство во Владивостоке, и затея с получением промыслов провалилась⁵⁴.

Усилия руководства японского рыбопромышленного объединения получили положительную оценку представителей русских властей. Например, как отмечал российский вице-консул в Хакодате В.В. Траутшольд, «на арену промысловой деятельности начинают выступать настоящие промышленники. Эти люди, как арендаторы долгосрочных концессий, заинтересованы в том, чтобы заслужить доверие русских властей, и способствуют недопущению к конвенционному рыболовству нежелательных и опасных элементов»⁵⁵.

Таким образом, можно утверждать, что после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. японские рыбопромышленники стремились не только к расширению привилегий, предоставленных им этим соглашением, но и были заинтересованы в ведении добычи рыбы и морепродуктов в дальневосточных конвенционных водах в соответствии с его положениями. Среди причин, обусловивших стремление японских рыбаков к ведению цивилизованного промысла, очевидно, следует выделить нормализацию межгосударственных отношений Японии и России в исследуемое время, а также желание японских промышленников строить отношения с Россией в сфере рыболовства на основе взаимовыгодного сотрудничества и партнерства.

Заключение

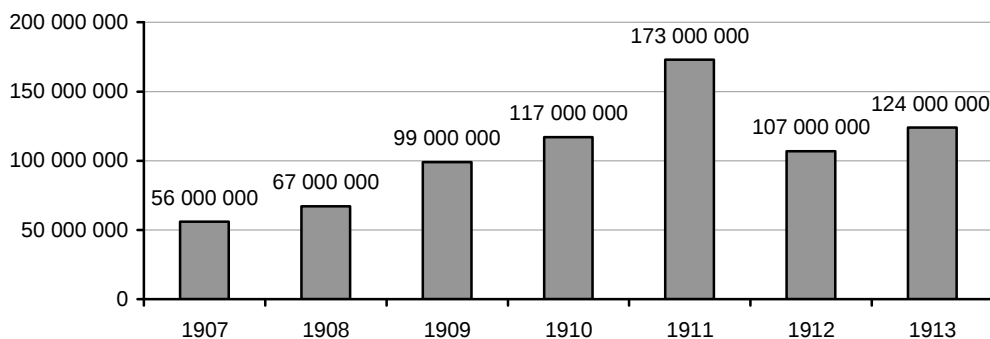
В исследуемый период в российском дальневосточном рыболовстве произошли качественные изменения. По условиям Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. подданные Японии получили право на добычу рыбы и морепродуктов в дальневосточных конвенционных водах. Не без участия японского правительства были созданы объединения японских рыбопромышленников, последующая деятельность которых оказала существенное влияние на укрепление японского капитала в дальневосточном рыболовстве. Вскоре после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. усилиями российских властей на русском Дальнем Востоке начал функционировать промысловый надзор.

Предпринятое в работе рассмотрение деятельности японских рыбопромышленных объединений позволяет утверждать, что несмотря на наличие целого ряда проблем в вопросах рыбного промысла, русские административные органы и японские рыбопромышленники в той или иной степени справлялись с их решением. Как японское правительство, так и японские предприниматели не ставили своей целью вытеснить российских промышленников с дальневосточных промыслов, как это утверждают названные во вступлении российские исследователи. Целью создания крупных объединений японских рыбаков явилось стремление к централизации их деятельности, оказанию им поддержки, а также приведение рыбного промысла к нормам, оговоренным в положениях Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. Само японское правительство было заинтересовано в цивилизованном промысле морепродуктов своими подданными и не только добилося от России права вести промысел в конвенционных водах, но и прилагало усилия к тому, чтобы ведение промысла четко соответствовало установленным правилам.

Одним из итогов деятельности японских рыбопромышленных объединений в дальневосточных конвенционных водах явилось увеличивавшееся год от года количество рыбопродукции, ввозимой в Японию (См. диаграмму № 2).

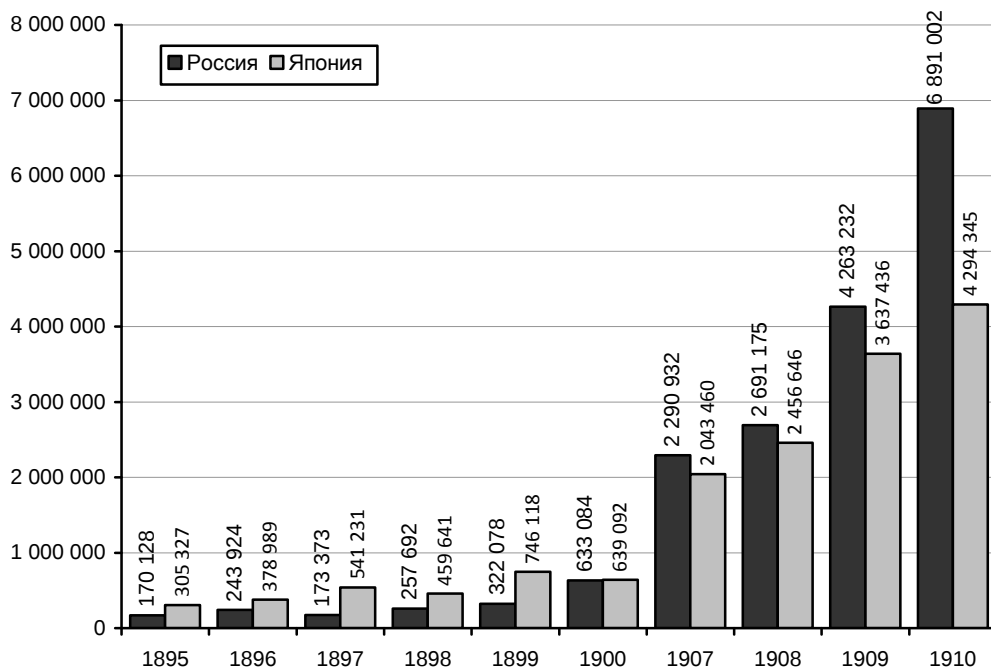
Диаграмма 2.

Ввоз добытой рыбы в Японию (1907–1913 гг.)⁵⁶

Вместе с тем, можно утверждать, что основной причиной такого увеличения явилась, главным образом, скупка рыбы японскими подданными у русских рыбаков, но не расширение объемов рыбодобычи за счет использования японцами большего числа промысловых участков. Например, при сравнении темпов добычи рыбы подданными Японии и России в период 1895–1900 гг. и 1907–1910 гг. обращает на себя внимание тот факт, что если в доконвенционный период японцы опережали русских рыболовов по количеству добытой рыбы, то после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. и начала создания японских рыбопромышленных объединений первенство по объемам рыбодобычи постепенной перешло к дальневосточным рыбопромышленникам (См. Диаграмму № 3).

**Динамика развития добычи рыбы русскими и японскими рыбаками
в 1895–1900 и 1907–1910 гг.⁵⁷**

Россия вовсе не собиралась «отдавать на откуп» японцам рыболовные ресурсы Дальнего Востока. Подтверждением тому явилось создание и последующая деятельность промыслового надзора в дальневосточных конвенционных водах. Учреждение рыболовного надзора в российских конвенционных водах после завершения войны с Японией преследовало своей главной целью установление контроля за деятельностью иностранного капитала на русском Дальнем Востоке, а также приведение промысла рыбы и морепродуктов в рамки существующих положений. Созданием промысловой инспекции в послепортсмутский период российским властям удалось добиться определенных успехов в деле организации контроля над добычей рыбы иностранными и российскими подданными.

Таким образом, во многом благодаря совместным усилиям дальневосточной администрации и руководства японских рыбопромышленных объединений в исследуемый период значительно снизилось число нарушений Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., а также разрешены многие спорные вопросы, связанные с добычей морских ресурсов русского Дальнего Востока.

1. *Каминага Эйсуке*. Сэнсо то гёгё: хокуё гёгё но рэкиси о тоинаосу [Война и рыболовство: к истории добычи рыбы в северных морях]. — <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17/03kaminaga.pdf>. *Камимура Синъити*. Гайко годзюнэн [Пятьдесят лет дипломатической работы]. Токио, 1960. С. 34; *Коива Нобутаке*. Нихон тодзика но Карафуто ни окэру гёгё сэйдо но тэнкан [Изменения в системе рыболовных промыслов Южного Сахалина в период японского управления]. — <http://www.soc.nii.ac.jp/jsfe/D.P/Vol1/No7.pdf>.
2. Исключение составляют исследования Л.И. Галлямовой и Я. А. Шулатова, в которых указывается на положительные стороны конвенционного рыболовства — взаимовыгодное сотрудничество русских и японских рыбаков, обмен опытом и технологиями добычи и обработки море-

- продуктов. См.: *Галлямова Л.И.* Развитие российско-японских региональных связей на Дальнем Востоке, вторая половина XIX — начало XX вв. Основные аспекты // Россия и АТР. 2003. № 1. С. 76; *Шулатов Я. А.* Проблемы рыболовства глазами дипломатов. Экономическое урегулирование между Россией и Японией после Русско-японской войны // Дальний Восток. 2004. № 6. С. 212.
3. *Маринов В.А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905–1914 гг.). Очерки истории отношений. М., 1974; *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988; *Мандрик А. Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994.
 4. Сборник действующих трактатов. СПб., 1901. Т. 1. С. 393–399; История международных отношений и внешней политики СССР (1870–1957 гг.). М., 1957. С. 20.
 5. *Киёсава Киёси.* Нихон гайкоси [История японской дипломатии]. Токио, 1942. Т. 1. С. 187.
 6. *Stephan J.* Russian Far East. A History. Stanford, California, 1994. P. 78.
 7. *Мандрик А.Т.* Указ. соч. С. 41–42; *Каминага Эйсуке.* Указ. соч.
 8. Гайкоку рёкай суйсан кумий хо [«Закон о промысловых объединениях в территориальных водах иностранных государств»]. — <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/listPhoto>.
 9. Конвенционные воды — район действия Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., в рамках которого подданные Японии и России могли заниматься рыболовством. Включал в себя русское побережье вдоль Японского, Охотского и Берингова морей за исключением указанных в Приложении к конвенции бухт и закрытых заливов, в которых подданным Японии было запрещено заниматься добычей рыбы и морепродуктов.
 10. Российское консульство в Хакодате — Российскому императорскому послу в Токио. Н. А. Малевскому-Малевичу, 12 марта 1914 г. РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 7. Д. № 92, Л. 8. Первоначально общество называлось «Энкайсю суйсан кумий» («Союз рыбодобычи Приморской области»).
 11. Глава «Рорё суйсан кумий» Камияма Дзюндзи — Исии Кикудзиро. 18 января 1916 г. // Японские дипломатические документы (1916) Токио, 1967. Т. 1. С. 246–247.
 12. Компания «Цуцуми сёкай» была создана известным японским рыбопромышленником Цуцуми Сэйроку. В первые послевоенные годы эта компания занималась промыслом рыбы и других морепродуктов в северной части акватории Охотского моря.
 13. Рыбопромышленная компания «Сухара», основанная другим, не менее известным японским рыбопромышленником Сухара Какубэй, вела добычу рыбы в южной части Охотского моря.
 14. Энкайсю суйсан кумий тэйкан [Устав Союза рыбодобычи Приморской области]. Архив внешней политики Японии. Ф. 3.5.8. 120. Энкайсю суйсан кумий сэцурицу канкэй иккэн [Дела, касающиеся создания Союза рыбодобычи Приморской области].
 15. *Мандрик А. Т.* Указ. соч. С. 164.
 16. Приглашение русских в акционеры русско-японского акционерного общества Нитиро гёгё кабусики кайся. 1912 г. Архив внешней политики Японии, Ф. 3.5.8. 97 Кёкуто рорё энкай ни окэру гёгё канкэй дзаккэн [Дела о морском рыболовстве в российских дальневосточных владениях].
 17. Приамурские ведомости. 1914 г. 8 февр.
 18. *Мандрик А.Т.* Указ. соч. С. 165.
 19. Приамурские Ведомости. 1914 г. 8 февр.
 20. Российский консул в Хакодате — Российскому императорскому послу в Токио Н. А. Малевскому-Малевичу, 12 марта 1914 г. РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 7, Д. № 92, Л. 1.
 21. Дзэннэн дзюитигацу Урадзю ни кайсай но Рококу гёгёса кайги гидзитю но санко дзико [Справочные разделы положений, обсуждавшихся на совещании российских рыболовов во Владивостоке, в ноябре прошлого года]. 9 янв. 1912 г. Приложение // Японские дипломатические документы. ч. 1. Токио, 1963. Т. 45. С. 176.
 22. Российско-Императорское вице-консульство в Хакодате — в первый департамент Министерства иностранных дел. 15 окт. 1911 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 106–108.
 23. Там же. Л. 114–115.
 24. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. (Отчет Приамурского Управления Государственных Имуществ). Хабаровск, 1910. С. 27.
 25. Российско-Императорское вице-консульство в Хакодате — в первый Департамент Министерства иностранных дел, 21 февр. 1912 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 176.

26. Приглашение русских в акционеры русско-японского акционерного общества Нитиро гёгё кабусики кайся. 1912 г. Архив внешней политики Японии, Ф. 3.5.8. 97.
27. Российский консул в Хакодате — Российскому императорскому послу в Токио Н.А. Малевскому-Малевичу. 12 марта 1914 г. РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 7, Д. № 92, Л. 8.
28. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. С. 28.
29. Департамент земледелия — в четвертый политический отдел МИД. 30 июня 1916 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1305, Прил. Л. 32.
30. Российское императорское вице-консульство в Хакодате — Четвертый политический отдел. 28 марта 1915 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1305, Л. 279.
31. Составлено по: Управляющий «Рорё суйсан кумияй» Камияма Дзюндзи — Министру иностранных дел Японии Исии Кикудзиро, 18 янв. 1916 г. // Японские дипломатические документы (1916). Т. 1. С. 246; *Мандрик А. Т.* Указ. соч. С. 167., Российское императорское вице-консульство в Хакодате — в четвертый политический отдел, 28 марта 1915 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1305, Л. 279.
32. Рапорт ревизора транспорта «Тоболь» Махновеца командиру транспорта «Тоболь». 5 окт. 1915 г. РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 6, Д. № 193, Л. 105.
33. Секретное донесение Гофмейстера Н.А. Малевского-Малевича. Токио, 25 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 244.
34. Комиссия по рыболовству. 4 марта 1911 г. Доклад по законопроекту о продлении действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 297.
35. Копия объяснений, представленных Управляющим государственными имуществами Приамурского края в Департамент Земледелия по возбужденным против него Японским посольством в СПб обвинениям в несоблюдении соглашения между Россией и Японией по делам рыболовства (Далее — «Копия объяснений...»). 2 марта 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 62.
36. *Маринов В. А.* Указ. соч. С. 42.
37. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. С. 17–20.
38. *Маринов В. А.* Указ. соч. С. 42.
39. Liste des bateaux de pêche dont la présence dans les eaux territoriales de la Province Maritime sans certificats consulaires a été constatée par les autorités russes. Tokyo, le 20 Mars / 2 Avril. 1909 // Японские дипломатические документы. ч. 1. Токио, 1961. Т. 42. С. 38.
40. *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 301.
41. Например, описанный ниже случай с задержанием шхуны «Миэ Мару», инцидент на промысловом участке № 36, столкновение промыслового надзора с японскими браконьерами на о. Медном. По данным вопросам см.: Разбор шифрованной телеграммы, полученной 15 июля 1908 из Санкт-Петербурга. АВП РИ, Ф. «Чиновник по Дипломатической части при Приамурском Генерал-губернаторе». Оп. 579, Д. № 59, Л. 13; Секретная телеграмма П. Ф. Унтербергер. Хабаровск, 30 мая / 13 июня 1910 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1311, Л. 4; Чиновник по Дипломатической части при Приамурском Генерал-губернаторе — Исполняющему обязанности Императорского Японского Генерального консула во Владивостоке. 1 декабря 1912 г. Архив внешней политики Японии, ф. 3.5.8. 63–1. Кита тайхэйё ни окэру кайдзю гёрё ни кансуру кэйсо мондай дзаккэн. Рококу тоно канкэй [Дела по спорным вопросам, касающимся добычи рыбы и морепродуктов в северной части Тихого океана. Отношения с Россией].
42. Управляющий компанией «Дай нихон энъё гёгё» [«Океанские промыслы великой Японии»] — Министру иностранных дел Хаяси. 8 июля 1908 г. // Японские дипломатические документы. Т. 41, ч. 2. Токио, 1961. С. 125; H.I.R.M.S. “Shilka”. Captain S. Ivanoff — Captain G. Mano, H.I.J.M.S. “Congo”. Petropavlovsk, 22nd May / 4th June, 1908 // Японские дипломатические документы. Токио, 1961. Т. 41, ч. 2. С. 130–131.
43. Исключение составляют случаи с задержанием судов «Миэ Мару» и «Компира Мару». Копия объяснений... 2 марта 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 62.
44. Морской министр по главному морскому штабу — П.А. Столыпину. 15 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 216; Морской министр по главному морскому штабу — П.А. Столыпину. 15 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 216–217.

45. Председатель Совета министров П.А. Столыпин — С.А. Воеводскому, 22 янв. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 215.
46. Например, за июль и август 1903 г. возле побережья Камчатки судном «Манджур» было задержано за незаконный промысел 11 японских рыболовных судов. См.: Министр иностранных дел Хаяси — Коммерческому агенту во Владивостоке Каваками. 7 июня 1906 г. // Японские дипломатические документы (1916). Токио, 1959. Ч. 2. С. 599.
47. Морской министр по главному морскому штабу — П.А. Столыпину, 15 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 216–217.
48. Комиссия по рыболовству. 4 марта 1911 г. Доклад по законопроекту о продлении действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 297.
49. Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 3–1–2–32. Рококу дзэйкан канси куики о кайдзё дзюни ри какутё иккэн [Дело о расширении двенадцатимильной зоны надзора российской таможни].
50. *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 318.
51. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. С. 27.
52. Материалы к познанию русского рыболовства. 1912 г. вып. 4. СПб., 1912. Т. 1. С. 120.
53. Российско-императорское вице-консульство в Хакодате — В Первый департамент Министерства иностранных дел, 9 нояб. 1911 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 139–141.
54. Краткая предварительная справка о японском рыболовном сезоне 1912 г. в русских водах. 1 / 14 ноября 1912 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 260–261.
55. Материалы к познанию русского рыболовства. 1912 г. Вып. 4. СПб., 1912. Т. 1. С. 120.
56. Единица измерения — 1 кин (600 г.). Составлено по: *Куртеев К.К.* Русско-японский товарообмен и экономическое сближение // Записки Приам. Отд. Императорского Общества востоковедения. Хабаровск, 1916, С. 192–193.
57. В диаграмме представлены данные по добыче рыбы русскими и японскими рыбаками на Сахалине (1895–1900 г.) и данные по общему объему добытой рыбы (1907–1910 гг.), включая районы внеконвенционной ловли, а также данные по рыбе, скупленной подданными Японии на Амуре. Составлено по: *Мандрик А.Т.*, Указ. соч., С. 35; *Унтербергер П.Ф.* Указ. соч. Прил., С. 34–35.